

Visualized self-presentation of the subject in the depth cognition of the psyche

T. Yatsenko

Bogdan Khmelnytsky Cherkasy National University, Cherkasy, Ukraine

Article info

Received 12.07.2017

Accepted 16.08.2017

Bogdan Khmelnytsky
Cherkasy National
University, Cherkasy,
Ukraine

yacenkots@gmail.com

Яценко, Т. С. (2017).
Визуализированная
самопрезентация субъекта
в глубинном познании
психики. *Fundamental and
applied researches in
practice of leading scientific
schools*, 22 (4), 85–94.

Yatsenko, T. (2017). Visualized self-presentation of the subject in the depth cognition of the psyche. Fundamental and applied researches in practice of leading scientific schools, 22 (4), 85–94.

The article proves that the cognition of the mental as a functional system generates the need for its recoding into the sphere of tangible visualized reality, accessible to knowledge according to the laws of the conscious sphere. In the issues of understanding the recoding of information, the author relies on the work of many studies (N.Bekhterev, K. Pribram, etc.), but most of all on the work of P.K. Anokhin, who showed how the functional systems operate independently of each other and, at the same time, in harmony with each other in the context of information awareness. The long-term practice of procedural diagnostics in dialogical interaction with the respondent acquired the light of the semantic order by introducing the category "information equivalent", the transcendence of which ensures the independence of knowledge from the character of the metaphorical symbolization of the psyche. The transmission of the information of the source object can take place in a variety of forms of coding (for example, verbal, non-verbal) with the preservation, the invariance of information equivalents. The process of information transfer occurs in every link, including the "wavy" dialogical interaction. The content of the article proves that the cognition of unconscious, simultaneously folded meanings, implicit in the materialized self-representatives, requires their "revival" in dialogical interaction with the respondent. Understanding the subject of the essence of his/her personal problem is consonant with the realization of a stabilized internal contradiction, the resolution of which requires professional help from a psychologist. Psychodynamic theory opens up prospects for the most optimal and adequate ways of assisting the subject with the use of objectified means, like Ariadne's thread.

Keywords: cognition of the mental; sphere of tangible visualized reality; transcending information; procedural diagnostics in dialogical interaction; information equivalent; metaphorical symbolization of the mental; awareness of a stabilized internal contradiction.

Визуализированная самопрезентация субъекта в глубинном познании психики

Т.С. Яценко

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Черкассы, Украина

Статья доказывает, что познание психического как функциональной системы порождает необходимость ее перекодирования в сферу осязаемой визуализированной реальности, доступной познанию по законам сознательной сферы. В вопросах понимания перекодирования информации автор опирается на работы многих исследований (Н. П. Бехтерева, К. Прибрам и др.), но более всего на работы П. К. Анохина, который

показал, каким образом функциональные системы действуют независимо друг от друга и, в то же время, слаженно друг с другом в контексте информационной осведомленности. Многолетняя практика процессуальной диагностики в диалогическом взаимодействии с респондентом приобрела свет семантического порядка путём введения категории «информационный эквивалент», трансцендентность которого обеспечивает независимость познания от характера метафоричной символизации психического. Передача информации исходного объекта может осуществляться в самых разных формах кодирования (к примеру, вербальные, невербальные) при сохранности, инвариантности информационных эквивалентов. Процесс передачи информации происходит в каждом звене, включая «волнообразность» диалогического взаимодействия.

Содержание статьи доказывает, что познание неосознаваемых, симультанно свернутых смыслов, имплицитно присущих материализованным самопрезентантам, требует их «оживления» в диалогическом взаимодействии с респондентом.

Понимание субъектом сущности своей личностной проблемы созвучно осознанию стабилизированного внутреннего противоречия, разрешение которого требует профессиональной помощи от психолога. Психодинамическая теория открывает перспективы самых оптимальных и адекватных путей оказания помощи субъекту с использованием определенных средств, подобно нити Ариадны.

Ключевые слова: познание психического; сфера осязаемой визуализированной реальности; перекодирования информации; процессуальная диагностика в диалогическом взаимодействии; информационный эквивалент; метафорическая символизация психического; осознание стабилизированного внутреннего противоречия.

«Точная наука никогда не может обойтись без реального в метафизическом смысле»

М. Планк

Заслуги академической психологии классического периода не могут заслонить тот факт, что она есть плод механистического подхода к пониманию реалий осязаемого мира, что не предполагает познание недоступного напрямую наблюдению, т. е. бессознательного. Мы сделали попытку показать не только неоправданность такого подхода, но в первую очередь то, что психика едина в ее сознательном и бессознательном проявлениях. Последнее выдвигает специфичные требования к методам познания. Не зря некоторые научные школы (в частности, бихевиоризм) утверждали, что исследование психики доступно **в той мере, в которой ее функционирование выражается вовне**. Наша практика подтверждает, что материализованная (опредмеченная) символизация психики целостно объективирует проблемы нарушения инкорпорирования Я в окружающий мир. Данный подход выдвигает соответствующие требования к профессиональному мастерству психолога, в частности, к умениям использования *наблюдаемых средств в познании прямолинейно не наблюдаемого*. Такие условия предполагают переключение академического взгляда психолога из объекта психического «самого по себе» на понимание психики как *фундаментальной системы*, которая способна к материализованной презентации, имеющей особую важность для решения проблем глубинного познания. Это влечет за собой изменения в понимании *критериев доказательности и обоснованности научно-практических знаний о психическом в единстве сознательного и бессознательного*. Как указывал Н. А. Бернштейн, «наука связана с бессознательным прогрессом потому, что каждая очередная ступень ее развития находила в себе силы для беспощадного преодоления предыдущей» [Pribram, 1975, 300].

В данное время в психодинамической парадигме происходит зарождение нового взгляда на психическое и на возможности его объективного познания. Это обусловлено попыткой интеграции с законами, открытыми в других науках – физике, физиологии, химии и др. Последнее связано с именами П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, Д. Бома, Н. Бора, И. Р. Пригожина, К. В. Судакова, А. Эйнштейна и др., что заставляет сфокусировать внимание на единстве законов, которым подчинены как духовные, так и материальные аспекты мира. К примеру, таблица умножения может быть опредмеченной реальностью на бумаге, она обладает многозначностью: с одной стороны, духовно-символическая, знаковая реальность, сам же принцип умножения – реальность духовная (идеальная), существующая в уме математика.

Таким образом, духовные феномены неразрывно связаны с некоторыми материальными носителями: книгами, символическими изображениями на бумаге, как и самими предметами в их функциональном своеобразии.

В данном контексте развитие кибернетики (как науки об управлении сложными системами информации и связи) не может находиться вне внимания глубинного психолога, соприкасающегося с функциональными системами сознания и бессознательного в их автономии и одновременно неразрывном единстве как во внутреннем плане, так и во внешнем (идеальное – материальное). Мы не можем обойти вниманием общеизвестный факт регуляции и контроля активности организма по типу «обратной связи» и оценки прогнозируемых результатов акцептором действия как «голографическим экраном» в его коррекционном значении (для достижения желаемого результата). Даже беглый взгляд на проблему сопричастности полученных нами научных результатов в глубинной коррекции к различным сферам познания указывает на актуальность интегративных усилий в целях более адекватной постановки гипотез, исследовательских задач и формирования адекватных методов познания психики.

Прогрессивные взгляды на глубинное познание психического (в его целостности) ассимилируют фрейдовскую позицию относительно необходимости обеспечения условий для актуализации спонтанности и произвольности поведения анализанда, что связано с перспективами познания его внутренней детерминированности. Наряду с этим, спонтанность и произвольность может быть использована по-разному, и от этого в значительной степени зависят исследовательские результаты, будь то свободные ассоциации, сновидения (З. Фрейд), символдрама, кататимные образы (Х. Лейнер), спонтанность, катализируемая ЛСД (С. Грофф), или спонтанность при условии опредмеченной самопрезентации субъекта различных ракурсов собственной психики (Т. С. Яценко). Последнее имеет исследовательскую значимость, задаваемую использованием метафорических средств (лепка, рисунки, предметные модели, камни, игрушки). Исходным моментом здесь является стимулирование психологом *мотивации спонтанной активности* субъекта. Это согласуется с высказыванием Л. С. Выготского, что «психология исходит из инстинктов и влечений как основного ядра психики» (Vigotsky, 1925, 23). Понимание того, что «влечения», «импульсы», «инстинкты» энергетически катализируют поведение, касается в первую очередь произвольной активности. Кроме того, необходимо учитывать функциональные особенности сферы бессознательного, нагруженной следами вытеснений, которые удерживаются в покорности сопротивлениям. Эмотивно-энергетическая потенциальность следов проявляется в их интерференции и систематизации, что предопределяет формирование феномена *внеопытного*, задающего когнитивные параметры базально-личностных форм защиты («горизонталь»), изыскивающих возможности частичной реализации через ситуативные, периферийные защиты («вертикаль») (Andryushenko, Yatsenko, 2012).

В авторском понимании проблем глубинного познания психики ключевым моментом является использование визуализированных средств самопрезентации, доступных научно-практическому исследованию совместно с респондентом, что способствует расширению его самоосознания.

Учитывая, что отправной точкой психической активности являются потребности (инстинкты), объединяющие человека с живым миром в целом, возникает вопрос: по каким же причинам именно у человека формируется *регрессия поведения*, нарушающая самоорганизацию и порождающая рассогласованность потребности («нужды») с соответствующими средствами ее удовлетворения? Таким образом, мы центрируем исследовательское внимание на проблеме внутренней рассогласованности (дезинтеграции) психики, что *объективно обусловлено защитой, осубъективирующей психическое* (блокировкой и искажением информационного обмена). Защитная подсистема психики нарушает переработку информации, что ступеневато биологический смысл адаптации, подменяя его желательными просоциальными иллюзиями. По нашему убеждению, главная причина дисфункциональности

психологической защиты состоит в создаваемой ею иллюзии, подчиненной идеализированному Я, имеющему приоритет над биологической целесообразностью внутренних импульсов. «Распаковывание» смысла защит входит в исследовательскую задачу в психодинамической парадигме (Yatsenko, 2004; 2006).

Следующая проблема, разрешение которой имеет авторский оттенок, – *понимание природы психического в его подчиненности универсальности законов и с отражением индивидуальной неповторимости*. Разрешение поставленной проблемы требует познания законов психики в соответствии с адекватной методологией понимания сфер сознания и бессознательного в их единстве и, одновременно, функциональной автономии. Психическое интегрирует в себе сознание, функционирующее в созвучии с осязаемым (твердым) миром и, одновременно, бессознательное, которое отвечает основным законам устройства вселенной, в частности: симультанность, т. е. слияние во времени и пространстве (вне пола, пространства и времени); наличие произвольно сформированного порядка континуума проявления процессов предсознания, при хаотичности импульсов (Ид); системность и структурно-матричное (голографическое) устройство; логическая упорядоченность психического и др.

Исходя из холистичности (цельности) сознательного и бессознательного (*единства законов, которым подчиняется духовный и материальный мир*), мы вынуждены в своем исследовательско-практическом поиске ориентироваться на линию сопричастности этих сфер, на горизонт – как разграничивающий, так и объединяющий сознание и бессознательное. Глубинно-познавательный процесс при этом приобретает волнообразность, обнаруживающую тенденции поведения субъекта. Интересно, что такого рода волнообразность в метафизике (физиологии) квалифицируют как *опорную и предметную* волну. Это сходно с психодинамической позицией в отношении психологической защиты – базисная («опорная») и периферийная («ситуативно-предметная»). Актуальный акт психического всегда имеет выражение в «точке пересечения» горизонтали (базисной защиты) и вертикали (ситуативной защиты), и в диалогическом развороте содержания этой «точки», что открывает перспективу предопределения тенденций поведения. В квантовой физике элементарная частица – это «точка и волна» (предопределяющая направление).

Исследовательская задача целостного познания психики состоит в *восстановлении нарушенных взаимосвязей между сферами сознания и бессознательного*, порождающих психологическое импотирование субъекта (потерю энергии), и в утверждении тенденции «к психологической смерти». Профессионал-психолог объективирует глубинные ракурсы психического, основываясь на перекодировании его содержания (смыслов) в опредмеченные формы, что символически выражают единство сфер сознания и бессознательного. Последующее диалогическое взаимодействие предполагает декодирование информации, учитывая

тот факт, что «психика знает все и не знает одновременно», что требует психоаналитического «отшторивания занавески». Диалогическое взаимодействие с респондентом способствует вскрытию «неявно известного субъектом», способствующего реинтегрированию психики (на исходном уровне) с перспективой интеграции на более высоком уровне психического развития. Дозыковые (опредмеченные) формы самопрезентации постигаются в объективировании смысловой нагрузки эмотивного их «оживления» в диалоге «психолог – анализанд». Такое диалогическое взаимодействие по необходимости встраивается в естественный порядок имплицитной заданности психического в его системной организации, что имеет свою последовательность и нагруженность аффектами – следами (фиксациями) раннего детства. Последнее выходит за пределы признаков герменевтики, поскольку познаваемые смыслы не являются текстом, они не даны, а заданы и открыты в процессуально-диалогической диагностике. Глубинному познанию свойственны признаки косвенности, контекстности и опосредованности. Диалогическое взаимодействие – это, прежде всего подготовка к интерпретации (путем накопления поведенческого материала), к познанию, к обобщению и анализу. В каждом «па» присутствует как диагностика, так и коррекция за счет частичных положительных дезинтеграций, порождающих вторичные интеграции психики на более высоком уровне развития. Материализация же респондентом собственного психического содержания сама по себе (без диалога) нема (неговорлива), т. к. представляет существенные характеристики в свернутой («упакованной»), имплицитной форме и, таким образом, латентно содержит смыслы (информационные эквиваленты), познание которых катализирует психокоррекционный эффект. Диалогическое взаимодействие предопределяет интерпретацию на разных уровнях, с учетом единства диагностики и психокоррекции. Принципиально важным является вопрос о положительности дезинтеграционных процессов путем ослабления (в диагностико-коррекционной динамике) иллюзорных представлений субъекта. Именно положительная дезинтеграция обеспечивает вторичную интеграцию на более высоком уровне психического развития субъекта. Положительность дезинтеграции отличается следующими характеристиками: порционность, многоуровневость, расширение самоосознания за счет снижения искажений социально-перцептивной информации, переход на более высокий уровень интегрированности структуры психики субъекта и др.

Важно не забывать, что развитие функциональных систем, будь то физиологический, химический или вселенский ракурс, предполагает их голографическое устройство, как и внутреннюю динамику, связанную с процессами «рассогласования» и «согласования», что созвучно с процессами дезинтеграции и интеграции, возведенных нами в ранг основных механизмов глубинной психокоррекции (Yatsenko, 2004). Диалог при этом опирается на точность диагностических посылок, которые следуют за внутренним порядком устройства

психического, с учетом континуальности в ее системной организации, когда каждый отдельный элемент, поддающийся познанию, открывает перспективы познания следующих характеристик целого.

Говоря иначе, внутренний порядок устройства психического объективируется в континуальности его поведенческих «па», стимулируемых и проявляющихся в притоках энергии, т. е. эмотивностью респондента. Последнее опирается на прогнозирование энергетической потенции бессознательного (следов вытеснений импульсов Ид) – «к реализации вовне» («эффект незавершенности» импульсов эдипального порядка).

Согласно нашему предположению, стабилизация внутреннего противоречия связана с нарушением информационных взаимосвязей между двумя сферами психики (сознание и бессознательное), что деформирующе влияет на мышление, в частности, блокирует потенциал рефлексивного мышления. Такие нарушения когнитивных процессов находятся вне контроля сознания, замаскированные системой психологической защиты, искажающей социально-перцептивную информацию на входе, внутренней ее «переработке» и эксплицирования вовне.

Возникает вопрос: что пытается скрывать защита путем искажений? Ответ кроется в эдипальных зависимостях, которые маскируются процессами вытеснений, замещений, проекции, интроекции, идентификации и т. п. В этот период ребенок впервые встречается с законом «табу», который не допускает его игнорирование, что по необходимости создает эффект незавершенного действия, влияющего на формирование доминирующей мотивации. Мотивация, с ее эмоциональной окраской, является ведущим компонентом в энергетическом инициировании любого поведенческого акта. Вместе с тем, ее понимание является недостаточным для психокоррекции психики человека, отягощенного системой психологических защит – их необходимо «развенчать».

Таким образом, методика, в авторской ее презентации, доказывает целесообразность перекодирования (самопрезентации) внутреннего содержания психики в плоскость осязаемого мира, что предполагает последующую аналитическую проработку в диалогическом взаимодействии с респондентом с обобщающими интерпретационными заключениями. Как показывает многолетний опыт, психика способна к перекодированию в материализованные формы с сохранением информационных эквивалентов. Д. Юм (1711–1776) в «Трактате о человеческой природе» подчеркивает важность восприятия для психологического самоощущения: «... я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий» (Yum, 1965, 366). Наши исследования указывают на важность самопроизвольных, спонтанных переходов имплицитных и эксплицитных характеристик психического. П. К. Анохин уточняет данный процесс: «Отражательный процесс разворачивается таким образом, что внешний объект через непрерывный ряд физических и физиологических процессов... формируется в соответствии с теорией передачи информации» (Anokhin, 1969, 111). Теория

П. К. Анохина открывает перспективы понимания объективирования психики, в частности, расшифровки процесса перехода «материальных физических процессов в субъективный образ, в сознание». Несмотря на многочисленность звеньев диалогического взаимодействия с респондентом, эмпирические факты подтверждают верность утверждения П. К. Анохина, что «между начальным и конечным звеном этой передачи должна быть («существует» – Т. Я.) точная и адекватная *информационная эквивалентность*» (Anokhin, 1969, 112). Это созвучно психоаналитической позиции, сориентированной на поиск «первичной» причины, порождающей дисфункции психики. Последнее не позволяет ограничиться тренинговой работой, центрированной на эмоциональных переживаниях ее участников, без когнитивно-логичских обобщений результатов, позволяющих предопределить тенденции поведения. Мы убеждены, что только рацию, которое расширяется и крепнет (в такого рода деятельности), способно катализировать реконструирование изначальной структуры психики респондента, что предопределяет переход на более высокий уровень развития.

Платон в свое время указывал: «... не во впечатлениях заключается знание, а в умозаклчениях о них, ибо, видимо, именно здесь можно схватить сущность и истину, там же – нет». Когнитивный синтез поведенческого материала, полученного в процессе диалогического взаимодействия, открывает резервы рационального познания психического в единстве двух сфер (сознание – бессознательное). Последнее необходимо также для объективности и «убедительности» результатов самопознания для самого респондента. Введение категории «информационных эквивалентов» в глубинное познание смыслов, латентно имплицированных из сознания, влечет за собой не только методологические, но и инструментально-практические новшества, требующие уточнения специфики перекодирования психического в процессе самопрезентации, будь то опредмеченные формы (лепка, рисунок) или вербальные (к примеру, сказка о своей жизни). Итеративность (повторяемость) определенных смыслов бессознательного приобретает, в случае их познания респондентом, убедительность (аргументационный вес) за счет перевода «сложного и непонятного» психического в сферу *очевидного*, которое выстраивается на метафорических сопоставлениях, сравнениях, обобщениях, систематизации, классификации опредмеченных презентантов. Вместе с тем, опредмечивание психологического содержания приобретает познавательный смысл лишь в случае *превращения материализованного предмета в объект самопрезентации своего опыта*, что его (предмет) осубъективирует, а затем требует эмоционального «оживления» в процессе диалогического взаимодействия с респондентом. Успешность последнего зависит от профессиональной способности психолога встраиваться в естественный порядок, имплицитивно содержащийся в «презентанте». При этом важно учитывать непрямолинейность перекодирования и его зависимость от опыта (форм) и

предлагаемого материала (к примеру, лепка из теста или моделирование из камней). Различные формы перекодирования скрытых смыслов психики способствуют перепроверке факта объективности психического, которое целостно презентуется в процессе непроизвольного творчества. Это созвучно с утверждением И. Р. Пригожина: «... мы призваны вести диалог с природой, тем самым человеческая креативность встраивается в креативность природы» (цит. по: (Ivanin, 2006, 686). Наша практика диалогического взаимодействия с респондентом выполняет роль процессуальной диагностики, сориентированной на актуализацию спонтанной активности, катализируемой внутренним эмотивным компонентом, т.е. доминирующей мотивацией. При этом методологически присутствует приоритетность высказываний респондента, что предопределяет необходимость психолога *следовать за феноменом психического в целях познания закономерной его упорядоченности* и выявления ассоциативных цепочек в поведенческих актах (поведении).

Диалогическое взаимодействие психолога с респондентом через интерпретацию накопленного поведенческого материала открывает перспективы проникновения в смысловую сферу бессознательного, чему способствует *использование метафоричных средств, приближенных к образности языка бессознательного в его нуминозности, т.е. разворачивании (распаковывании) имплицитно заложенных смыслов*, не зависящих от волевого участия субъекта в диалоге.

Доминирующая мотивация заявляет о себе косвенно и замаскированно, через спонтанную активность субъекта, что облегчает процесс перекодирования неосознаваемых смыслов в формы, поддающиеся сознательному восприятию и интеллектуальному осмыслению (обобщению).

Сказанное выше позволяет найти пути восстановления взаимосвязей между сферами сознания и бессознательного (нарушенные психологическими защитами), опираясь на их функциональное единство (при наличии автономии). *Корень решения данной проблемы находится в изменении потребностной сферы субъекта, в нивелировании условности ценностей, на которые опирается субъект для утверждения собственного совершенства.*

Затрагивая проблему возможности познания идеальных (духовных) реалий психического в материализованных формах, встает вопрос о надежности и объективности такого познания. Мы понимаем, что речь идет о различных функциональных системах: «духовное – материальное». В частности, о переходе психических, хотя и неосознаваемых реалий, свернутых в пространственно-временных параметрах (симультаных, недифференцированных) в дискретно-предметные формы путем перекодирования, которое переводит имплицитные смыслы в плоскость их существования во времени и пространстве. Эмпирический материал доказывает, что такого рода перекодирование возможно благодаря его нелинейности, имплицитно содержащей внутренний порядок, которому подчинен феномен психического в

инвариантности (сохранности) информационных эквивалентов.

Если в бессознательной сфере порядок имманентно характерен самой его сущности, то в опредмеченных самопрезентантах психики он «упакован», конденсирован в образе и существует уже в свернутом виде, что предполагает процесс экспликативного его разворачивания в диалогическом взаимодействии с респондентом. Диалог в таком случае, как уже указывалось, обеспечивает приток эмотивной энергии, что не только вербализует («оживляет») опредмеченную самопрезентацию, но и приобретает равноправие в одном ряду с результатами визуализации, что важно учитывать при установлении ассоциативной цепочки в процессе обобщенной интерпретации. Такого рода «оживление» не является прямой копией внутреннего мира, который прошел не только «просев», но и конденсат приоритетности латентных значимостей, что объективировано в информационном эквиваленте. Диалог при этом является «моментом актуализации подлинной природы человека, непосредственно связанной с преодолением различных форм сопротивления» (Zubaliy, 2012). Презентация смыслов не подлежит контролю сознания, как и произволу воли. Каждый «элемент» материализованного презентанта выражает характеристики голографической целостности психического, но локализовано, путем информационных эквивалентов, которые объективируются, условно говоря – «за один раз один элемент».

Таким образом, материализованная самопрезентация в ее спонтанной произвольности и непредсказуемости способствует преодолению барьеров, создаваемых отличиями двух сфер (сознание – бессознательное), что открывает перспективы познания бессознательного с участием сознания – «по законам осязаемого мира». С уверенностью можно сказать, что интегративный продукт, которым является материализация психического, объективирует неразделённость систем «сознательное» – «бессознательное» (при наличии функциональной их автономии). «Неразделённость» (сознательного и бессознательного) при объективировании вовне в образно-символических формах подвластна только архетипу как инстинкту, располагающему допренатальной информацией и способностью интеграции с механизмами символизации (намеки, сгущение, смещение и др.), как и с системой психологической защиты. Все это является косвенным свидетельством того, что внешний мир, как и внутренний, входит в психику в виде тончайших информационных процессов через разнообразные параметры своего воздействия на субъекта. Эмпирический опыт показывает, что предметная самопрезентация Я доступна всем без исключения участникам АСПП, независимо от возраста и образования. Другими словами, задача «опредмечивания», т.е. предметной метафоризации определенных ракурсов психики доступна каждому человеку. Избирательность же форм спонтанно диктуется опытом и внутренним императивом активности субъекта. При этом нет разительных

отличий – человек выбирает готовый «презентант» (игрушку, неавторский (чужой) рисунок) или создает его сам (лепит, рисует, моделирует из камней). Более того, респондент может произвольно сочетать эти средства, к примеру, камни, ракушки и лепку. Само по себе предложение психолога, побуждающее к самопрезентации, содержит элемент неопределенности, к примеру: «Смоделируй (выложи) из камней актуальную для тебя ситуацию»; «Презентуй переживаемое актуальное чувство»; или же: «Слепи из теста (на солевой основе) собственный метафоричный презентант»; «Слепи (выложи из камней) все, что «желает» твоя рука» и т.п. Как показывает практика, первоначальное задание и его результат приобретают аналитическую целесообразность только при последующем диалогическом взаимодействии с респондентом, что в данной статье иллюстрирует стенограмма (см. далее).

Также заметно, что побуждение к «самопрезентации» является более слабым стимулом по сравнению с внутренним императивом спонтанной активности (инициативы), предопределяющей в конечном итоге результаты материализации. Таким образом, происходит трансформация *симультанного* содержания идеальной (духовной) функциональной системы психического в материализованную реальность, подчиняющуюся диаметрально противоположным законам, связанным с *дискретностью* предметного («твердого») мира. Подытоживая, можно сказать, что психическое, в единстве сознательного и бессознательного, доступно познанию в соответствии с принципом дополнительности как на уровне метафоричной самопрезентации, так и на уровне диалогичного разворота (распаковывания «дробления») имплицитно присутствующей в презентанте смысловой основы. Описанные выше реалии глубинного познания вынуждают еще раз апеллировать к П. К. Анохину в его учении о функциональных системах, которые он определяет как «динамические саморегулирующиеся организации» (Anokhin, 1969), направленные на достижение различных приспособительных результатов, полезных для организма. П. К. Анохин, как и К. Прибрам, вводит категорию кодирования информации, что относится к *самопроизвольно сложившимся системам, функционирующим в соответствии с законами живой природы* с ее целесообразностью. Все это соответствует специфике функционирования бессознательной сферы. Если *сознательная материализация собственного Я субъектом прямолинейно может «прочитываться» в предметно-функциональном ключе, то процесс нелинейного перекодирования психики в ее целостности находится вне контроля сознания (на латентном, «подводном уровне»), что способствует презентации подлинного единства психического в противоречивой его сущности*. Как известно, существуют два класса функций передачи информации через кодовую трансформацию: первый обеспечивает соответствие между кодами (что позволяет прямолинейно декодировать закодированные формы, и наоборот). Благодаря однозначному соответствию между шифрами

кода устанавливается нечто вроде обратимости, «вторичный функциональный изоморфизм» (Pribram, 1975, 85). Второй вариант перекодирования – целиком неизоморфный. Раскрытие информационных эквивалентов (смыслов) требует не только дополнительных, но и контекстных средств. В нервной системе, как это показано К. Прибрамом, имеют место необратимые преобразования, при участии процесса абстрагирования. Ясно, что мы, познавая психическое в его целостности – имеем дело со вторым случаем.

Многолетняя практика убеждает, что **архетип** универсализирует, облегчает и даже «психотерапевтирует» субъекта в процессе визуализации, он в значительной степени является «хозяином» языка перекодирования. Архетип не только обладает надситуативностью (трансцендентностью), но и интеграционным потенциалом объединения универсально-филогенетического и генотипно-индивидуализированного опыта индивида, в чем ему способствует сродненность с системой психологической защиты. Интегрируясь с психологической защитой, архетип использует **опредмеченность сознания в процессе материализации неосознаваемого в психике субъекта**. Именно поэтому процесс материализации, по нашей методике, должен обязательно затрагивать психическое в его целостности (с участием сознания). Такого рода произвольное кодирование способно «ухватить» параметры симультанной сущности психического как функциональной системы и, в то же время, воспользоваться его опредмеченностью (включая мотивы и потребности), на что указывали

Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др. *Эффективность кодирования связана с некоторым стабильным уровнем системы (статика и динамика)* (Yatsenko, 2015). В психике это задается как архетипом, в единстве с психологической защитой, влияющей на индивидуализированность бессознательного, при инвариантности трансцендентных характеристик базальных форм защиты. Это проявляется в итеративности поведения в наличии ассоциативных связей, в поведенческом материале, открывающих перспективы познания логической упорядоченности психического (на уровнях сознания и бессознательного). Отсюда вывод – спонтанная активность субъекта является необходимой предпосылкой неявного, непрямолинейного перекодирования неосознаваемых смыслов системно-функционального устройства психического в визуализированных формах твердого мира, что открывает перспективы для его изучения с участием «сознания» в дискретном мире.

Далее мы приводим фрагмент диагностико-коррекционного процесса АСПП, иллюстрирующий силу кровных связей единства и психологической неразделимости протагониста с персонами ее семьи (с братом, матерью и отцом). Работа проводилась по методике АСПП с магистром ЧНУ им. Б. Хмельницкого (2017 г.). Было предложено ей выбрать, из большого количества репродукций художественных полотен, несколько для самопрезентации. Выбор респондента Я. составил около 10 репродукций. Подаем только фрагмент стенограммы.

Стенограмма глубинно-коррекционной работы с респондентом Я.

Рис. 1. Я. Йерка «Полная миска»
Volume 22, Number 4, 2017

П.: Ты выбрала интересный рисунок (рис. 1), который насыщен архетипическими символами.

Я.: Расскажите мне, о чём он «говорит», если ограничиться архетипической символикой.

П.: Хорошо, но тебе всё равно придётся обосновывать свой выбор. Итак, если посмотреть на рис. 1 – он свидетельствует о большой силе архетипа не только в образно-символическом, но и в более широком, семантическом плане, в частности: дом – символ утробы; его цветочность – любовь к брату (и других либидных объектов); поднятия дома над землей – невозможность реализовать «либидное» единение здесь, на земле, на которое наложено «табу»; цепь на куриной ножке – пуповина (по архетипу); сломанные ступеньки – символизируют трудности попасть туда; цепи на подоконнике – намек, что еще кто-то есть, кто пуповиной причастен к респонденту Я., но они снейтрализовались и не имеют таких привязанностей, как респондент Я. Гнездышко на крыше – как стремление к автономии собственного семейного очага, но на основе родительской семьи, на это указывает не только крыша, но и цепь, прикованная к оконной раме *большого дома*, что может символизировать реалии настоящей (а не мнимой), земной жизни семьи. Глаз на крыше – архетипический символ влагалища, скорее всего, это может быть символ матери, как и самой Я. (К Я.) Почему ты выбрала такой рисунок? Неужели ты, в самом деле, могла бы жить в таком доме (рис. 1)? И как бы ты тогда себя чувствовала?

Я.: Он мне показался очень близким, потому что тут много деталей. И, не смотря на этот глаз, на когти и на цепь, он всё-таки цветочный и радужный и вызвал, в общем, глубокие, приятные чувства.

П.: Наверное, там прохладно летом, потому что стены и окна сделаны с цветов? Ты когда-нибудь переживала такие чувства, когда твоя жизнь была вот так наполнена цветами?

Я.: Да, это мое детство.

П.: Что напоминает тебе такую цветность дома?

Я.: Это напоминает *два периода моей жизни*: один – детство, а второй это уже не много позже. Но, больше детство.

П.: Второй период это уже личные отношения?

Я.: Да.

П.: Чем отличаются личные аспекты от тех впечатлений, которые ты несешь согласно этой цепи, как пуповину, что связывает тебя с детством? Как ты ощущаешь, как поменялась бы цветность на этом доме, если бы это были твои личные отношения, чтобы здесь появилось еще?

Я.: Наверное, всё-таки не было бы цепи и когтей.

П. (К группе): Видите то, что мы учитываем архетип, имеет под собой почву, потому что в личных отношениях этой цепи не было бы. Это говорит о том, что мы совершенно не видим, а где же эта «цепь», которая становится невидимой в наших отношениях, может латентно заявлять о себе. Это лишь гипотеза. Потому что ты так часто видела, что человек неадекватно воспринимает то или иное поведение, ведь действительно не видит, что цепями он связан с

первозданными источниками пережитых чувств, своих желаний. (К респонденту): Что может быть отнесено к этому домику? Какими словами наполнен этот дом: любовь, доверие, поддержка?

Я.: Там что-то светлое, поддержка, забота. Не смотря на то, что он как будто в воздухе, но по моим ощущениям он крепко стоит. Такой же яркий и красочный, как эти цветы на доме.

П.: Кому еще из членов семьи было комфортно в этом доме, на куриной ножке?

Я.: Моему брату.

П.: Существует восприятие в унисон домика вами и братом?

Я.: Да. Наверное, так больше он воспринимал.

П.: Он для тебя так значим, что ты даже глазами брата смотришь теперь на свое прошлое, на детство? Или он придавал цветность дому?

Я.: По моему мнению, он больше цветности придал этому дому в детстве!

П.: Тогда я могу предположить, что твои личные (интимные) отношения не свободны от влияния брата. Он каким-то образом влиял, для тебя желанным было что-то, что тешило твою душу в отношениях с братом. Ты хочешь, чтобы так же повторилось и в личных отношениях.

Я.: Мне хотелось бы, наоборот, чтобы именно он был (как в детстве) близко. По определенным обстоятельствам этого не было, он просто стал отдельно жить, мы перестали общаться.

П.: Ты ему не простила, что он нашел девушку?

Я.: Нет. Просто родители разошлись, и мы так же разошлись.

П.: Вы выбрали разных родителей?

Я.: Можно и так сказать.

П.: С кем ты осталась?

Я.: С мамой.

П.: Тебе показался его выбор предательством тебя? А ему показалось, что это предательство его?

Я.: Наверное, мне больше это казалось предательством меня и мамы. Но, это было в детстве, сейчас мы уже общаемся, но все равно уже не так доверительно.

П.: Но все равно твои чувства к нему есть непроходящими?

Я.: Да.

П.: Тогда твой партнер уже «обязан тебе» придавать уверенность, что все будет так, как ты хочешь? Ты будешь искать в нем надежность, чтобы упредить травму разрыва, которую ты пережила с братом?!

Я.: Да, это точно, спокойствия у меня нет.

П.: Партнеру нелегко с тобой

Я.: Да, ему со мной нелегко, я это давно замечала.

П.: Он выдерживает? Или же – разрыв?

Я.: Уже не выдерживает.

П.: То есть разрыв?

Я.: Да, и для меня это трудно.

П.: Риск нарушения оптимальности отношений усиливается фиксациями, тревогами, с детства?! Ты должна понимать, что если не разберешься, можешь потерять хорошего человека.

Я.: Я об этом не задумывалась, потому что центрирована на брате, а он остается мне братом всегда. Просто до определенного момента я считала свою семью самой счастливой и думала, что родители никогда не разойдутся. А потом когда был момент, что брат остался с папой, а мама уехала, я же осталась одна, то, конечно, мне хотелось чтобы брат был на моей стороне, чтобы жил со мной.

П.: Чтобы он остался с тобой? Ведь ты одна, а он вдвоем с отцом?

Я.: Да, это мне показалось несправедливым.

П.: Брат мог по разным причинам не остаться с тобой, может ты ему нравилась как девушка, а не только как сестра? И он интуитивно понимал, что это может усложнить вашу жизнь, по разным причинам. Тогда это нельзя отнести к предательству! Но ты была еще маленькая тогда?

Я.: Мне тогда было 14 лет, уже не маленькая.

П.: И ты справлялась с ситуацией?

Я.: Да.

П.: Как это повлияло на тебя, ты стала более самостоятельной или появилась повышенная потребность в присутствии кого-то рядом?

Я.: Стала самостоятельной.

П.: Я как-то раньше поставила вопрос в отношении твоего парня, а ты почему-то перевела на брата. Я спрашивала: не повлияли ли определенные разочарования в брате, его поведении на то, что осложнились отношения с твоим интимным партнером? Ведь ты повышенно требовательна была к его преданности, чтобы он создавал у тебя ощущение надежности, «вечности» ваших взаимоотношений.

Я.: Повлияли. Просто раньше я это связывала с мамой, а брат как был в тени моего сознания, взгляд туда не поворачивался.

П.: Чтобы партнер заместил маму?

Я.: Да, но вернее – «чтобы я была уверена, что всегда он будет рядом» и как мама, и как отец.

П.: Повышенная чувствительность к риску, гиперболлизация, тревога – все это могло осложнить отношения.

Я.: Да, так оно и было, теперь я понимаю, что из-за этого были прерваны им отношения со мной, он просто

не выдержал. Тогда я это чувствовала, но убеждала себя, что это нормально, пусть проходит испытания. А сейчас осознала, что можно было ведь по-другому себя вести.

П.: Чтобы ты сказала сама себе?

Я.: Что не убеждай себя, что все в порядке, а нужно больше задумываться о причинах и о последствиях, и поворачивать взгляд на влияние отношений с братом.

П.: Иными словами, ты хочешь сказать, что не нужно идеализировать свои поступки, что они правильные, и тогда есть возможность глубже понять причины таких чувств или своих тревог.

Я.: Да, это верно, жалею, что поздно попала на сеанс к Вам.

П.: Поступать оптимально и учитывать интересы партнера. Как думаешь, чтобы он сказал тебе, находясь сейчас в этой аудитории? Например: я очень рад, что ты начала это осознавать, потому что я совершенно далек был от мысли, что в наших отношениях будет разрыв; рад, что ты начала прогрессировать.

Я.: Наверное, так и сказал бы, добавив: всегда нужно объяснять свои поступки, ведь делаешь по одному, а думаешь иначе. В итоге эти действия не были понятны ни мне ни ему. Я его нагружала своей постоянной тревогой.

П.: То есть, это его напугало?

Я.: Да, человек не смог долго это терпеть.

П. (*К группе*): Таким образом, если у нас есть тревога (или иные проблемы, вынесенные из детства), то есть тенденция нагружать, заражать тревогой и другого человека. Это закономерно и это нужно знать.

Я.: Наверное, это связано еще с тем, что я привыкла сама справляться и как только появляются моменты, которые мне не нравятся, я хочу испытать собственную силу – и иду!

П.: Не боишься одиночества?

Я.: Да, но потом понимаю, что это иллюзия.

П.: (*К группе*): Амбивалентность чувств: с одной стороны, травма, психика пытается сама каким-то образом защититься и будет попытка не только упреждать, чтобы остаться одной, а одновременно и будет тенденция к тому, что мне это не страшно (тенденция к силе).

Рис. 2. В. Куш «Орех Эдема»

Я.: Да, полностью согласна, что все это переходит от цветности к черному, и все это оказалось в руках моих страхов. Я, в процессе нашей работы, осознала, что мне хотелось партнера капсулировать (примерно, как на этом рис. 2, где двое в орехе и нет свободы выхода), и именно это мне мешало понимать партнера, чувствовать его потребности, мешало учиться партнерским взаимоотношениям. Жаль, что я раньше не попала на сеанс АСПП, что я не понимала свой «вклад»

(темный) в отношении. У меня сейчас появилось чувство облегчения и перспективы. Спасибо.

Психоанализ, в диалогическом взаимодействии психолога с протагонистом, доказывает факт деструктивной действенности механизмов защиты – перенос, проекций, замещения и др., что разрушает желаемые отношения Я. с личностно значимым партнером.

Література / References

- Andrushchenko, V.P., Yatsenko, T.S. (2012). Philosophical and psychological problems of the methodology of knowledge of the psyche. *Scientific journal of NP Drahomanov NPP. Series number 12. Psychology: collection of scientific papers*, 36 (60), 7-20. [in Russian]
- Андрущенко, В. П., Яценко, Т. С. (2012). Философско-психологические проблемы методологии познания психики. *Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія № 12. Психологія: зб. наукових праць*, 36 (60), 7-20.
- Anokhin, P.K. (1969). *System organization of physiological functions*. Moscow, Medicine. [in Russian]
- Анохин, П. К. (1969). *Системная организация физиологических функций*. Москва, Медицина.
- Vygotsky, L. S. (1925). Consciousness as a problem of behavior psychology. *Psychology and Marxism*. In Kornilov, K.N. (Ed.). [in Russian]
- Выготский, Л. С. (1925). Сознание как проблема психологии поведения. *Психология и марксизм*. Корнилов, К.Н. (Ред.).
- Zubaliy, N.P. (2012). Dialogue communication as a psychological condition for the formation of a positive attitude of practical psychologists to learning. *Actual problems of practical psychology*. Kiev, NPU named after M.P. Drahomanov. [in Ukrainian]
- Зубалий, Н. П. (2012). Діалогічне спілкування як психологічна умова формування позитивного ставлення практичних психологів до навчання. *Актуальні проблеми практичної психології*. Київ, НПУ імені М. П. Драгоманова.
- Pribram, K. (1975). *Brain tongues*. Moscow, Progress. [in Russian]
- Прибрам, К. (1975). *Языки мозга*. Москва, Прогресс.
- Philosophy: An Encyclopedic Dictionary (2006). Ivin, AA (ed.). - Moscow, Gardariki. [in Russian]
- Философия: энциклопедический словарь (2006). Ивин, АА (Ред.). - Москва, Гардарики,
- Hume, D. (1965). *Treatise on human nature. Works in 2 volumes*, 1. Moscow, Thought. [in Russian]
- Юм, Д. (1965). *Трактат о человеческой природе. Сочинения в 2-х томах*, 1. Москва, Мысль.
- Yatsenko, T. S. (1996). *Psychological foundations of group psychocorrection*. Kiev, Lybid. [in Ukrainian]
- Яценко, Т. С. (1996). *Психологічні основи групової психокорекції*. Київ, Либідь.
- Yatsenko, T. S. (2004). *Theory and practice of group psycho-correction: active social-psychological training*. Kiev, Higher school. [in Ukrainian]
- Яценко, Т. С. (2004). *Теорія і практика групової психокорекції: активне соціально-психологічне навчання*. Київ, Вища школа.
- Yatsenko, T. S. (2006). *Fundamentals of Deep Psychocorrection: Phenomenology, Theory and Practice*. Kiev, Higher school. [in Ukrainian]
- Яценко, Т. С. (2006). *Основи глибокої психокорекції: феноменологія, теорія і практика*. Київ, Вища школа.
- Yatsenko, T. S. (2015). *Methodology of deep-correction preparation of a psychologist*. Dnipropetrovsk, "Innovation". [in Russian]
- Яценко, Т. С. (2015). *Методологія глибоко-коррекційної підготовки психолога*. Дніпропетровськ, «Інновація».
- Yatsenko, T. S. (2015). *Dynamics of deep psychological correction development: theory and practice: monograph*. Dnipropetrovsk, "Innovation". [in Russian]
- Яценко, Т. С. (2015). *Динаміка розвитку глибокої психокорекції: теорія і практика: монографія*. Дніпропетровськ, «Інновація».